

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКИ

С. А. Беляев

СЕМИНАРИЙ ИМЕНИ АКАДЕМИКА Н. П. КОНДАКОВА — НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Революционные события 1917 года и последовавшая за ними Гражданская война коренным образом изменили положение в русском обществе. Не стала исключением и русская наука. Часть ученых погибла в вихре революционных событий, часть осталась в Советской России, часть была вынуждена эмигрировать. Расселялись ученые по разным странам. Первоначально это были преимущественно страны, сопредельные с Россией, впоследствии ученые рассосались и в более отдаленные пределы — вплоть до Северной и Южной Америк и Австралии.

Многочисленные ученые оказались без привычных бытовых условий, без своих личных, университетских и публичных библиотек, без своих учеников и, наконец, без денег. Надо было выжить, причем не только физически, но и внутренне, сохранить себя как личность. И ученые стали объединяться, ибо вместе выжить легче, чем поодиночке. Стали появляться в разных странах различные объединения ученых: группы, ассоциации и даже целые институты. По-разному складывалась их судьба. При некотором различии в статусе таких организаций, их положении в обществе есть все же некоторые общие черты между ними. Как правило, такие учреждения носили локальный характер и имели целью как-то организовать ученых, проживающих в данной стране, или, в лучшем случае, регионе; такие организации не имели никаких контактов с учеными из Советской России; они были чисто русскими, эмигрантскими. Семинариум Кондаковианум представлял разительный контраст по сравнению со многими подобными организациями ученых, оказавшихся в эмиграции.

Небольшая группа русских ученых-беженцев в чужой стране сумела объединить вокруг себя, казалось бы, совершенно несовместимых людей, и это в то время, когда даже в самой эмиграции не было единства.

Прежде всего, группа этих ученых объединила русских эмигрантов из многих стран. В архиве Семинария хранятся письма из всех тех стран, где оказалась хотя бы небольшая группа русских. Причем все эти письма очень хорошие. Во-вторых, людей из Советского Союза. В архиве Семинария хранится переписка примерно со 120 адресатами из Советского Союза, в том числе с академиками С. А. Желелевым, И. Ю. Крачковским, В. В. Бартольдом и многими, многими другими, со многими институтами и музеями, с другими организациями. И, наконец, в-третьих, ведущих ученых всего мира в области средневековой культуры и средневекового искусства, Византии, археологии и кочевнических древностей. Все эти люди великолепно уживались друг с другом на страницах ежегодника «Семинариум Кондаковианум» и в сердцах участников Семинария. В чем же залог такого успеха?

Как видно из названия, это объединение ученых связано с именем академика Никодима Павловича Кондакова.

Академик Никодим Павлович Кондаков — ученый с мировым именем, крупнейший специалист в области византийского, древнерусского и вообще средневекового искусства — эмигрировал из Одессы на французском военном корабле в 1919 году. Первые годы после отъезда из России он провел в Софии, где условия жизни были, по-видимому, не особенно благоприятные. Сведения об этом дошли до Праги, где у Н. П. Кондакова было довольно много друзей по его предыдущей деятельности. Началась переписка о возможности переезда Н. П. Кондакова в Чехословакию и о приглашении его сверхштатным профессором Карлова Университета. Так как имя Н. П. Кондакова было лично известно Президенту Чехословацкой Республики Т. Масарику (1850—1937), то эти усилия увенчались успехом, и с осени 1922 года Н. П. Кондаков приступил к чтению лекций в Карловом Университете.

Н. П. Кондаков в Чехословакии по сравнению с другими русскими эмигрантами занимал особое положение. Об этом хорошо написал Л. Нидерле в предисловии к книге Н. П. Кондакова «Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры»: «Мы любили Н. П. Кондакова за его золотое русское сердце и за симпатии, пробужденные в нем Бодянским, которые он питал к чехам еще с 60-х годов прошлого столетия, когда встречался в Праге с Палацким. Ко всему этому нужно добавить то чувство восхищения, которое вызывали в нас его обширные и глубокие знания...»¹.

Благодаря своему особому положению в Чехословакии Н. П. Кондаков мог много сделать в деле оказания помощи русским беженцам, в особенности молодым.

Вскоре Н. П. Кондаков стал тем центром, около которого собирались русские ученые и русская молодежь, оказавшиеся на чужбине. Из относительно старшего поколения это, прежде всего, Георгий Владимирович Вернадский (1887—1973), Александр Петрович Калитинский (1880—1940), княгиня Наталья Григорьевна Яшвилль (1861—1939). До своего отъезда из России даже самые младшие из этих лиц уже сформировались как исследователи, и около Н. П. Кондакова они были младшими коллегами.

После начала преподавания в Карловом Университете вокруг Н. П. Кондакова образовался кружок русской молодежи. Он состоял из молодых людей, которые после военной службы в белой армии оказались в эмиграции. Высшего образования у себя на Родине по молодости они еще не успели получить, и, оказавшись в Праге, они стали перед проблемой устройства своей жизни. Н. П. Кондаков помог им поступить в Карлов Университет, и они стали членами его домашнего кружка. Это, прежде всего, Н. М. Беляев, Г. А. Острогорский, Н. П. Толль, Д. А. Расовский. Все они получили стипендию, которая впоследствии после окончания Университета была им оставлена (за исключением Г. А. Острогорского) и которая позднее стала их жалованьем в Семинариум Кондаковианум.

Атмосфера в этом кружке была домашняя, как в старых профессорских московских и петербургских домах. Отношение между всеми были очень дружеские. Непременной составной частью общения были чаи у Н. П. Кондакова с живым обсуждением общих научных проблем и новой литературы. Так возникло то сообщество ученых, которое вошло в историю как Семинариум Кондаковианум.

31 октября 1924 года Н. П. Кондаков отпраздновал свое 80-летие, которое прошло в Чехословакии на государственном уровне. А в ночь с 16 на 17 февраля 1925 года Н. П. Кондаков скончался.

О дальнейшей судьбе окружения Н. П. Кондакова после его кончины очень хорошо рассказали руководителя Семинария Кондаковианум профессора Г. В. Вернадский и А. П. Калитинский. «Н. П. Кондаков, глубокий ученый, оказавший своими работами длительное влияние на развитие археологической науки не только русской, но и всемирной, был вместе с тем незаменимым учителем для более узкого круга учеников и последователей, которых он захватывал и воодушевлял своим научным энтузиазмом. За всю многолетнюю преподавательскую деятельность Н. П. Кондакова и в Одессе и в Петрограде вокруг него постоянно сосредотачивались люди, привлеченные им к научному делу. Многие из них уже нет в живых, другие продолжают работать во славу русской науки. Точно так же за последние годы жизни Н. П. Кондакова, в связи с преподаванием его в Карловом университете в Праге, вокруг него образовался кружок учеников, стремившихся ближе и детальнее разрабатывать под руководством учителя те вопросы, которые затрагивались им на его лекциях.

Н. П. Кондаков читал курс в Карловом университете в Праге — доступный фактически всем желающим слушать; кроме того, он руководил занятиями студенческого семинария в Карловом же

¹ Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. I

университете; затем на дому у Н. П. Кондакова образовался как бы особый семинар *privatissima* — некоторые из тех же слушателей его курса или участников семинария постоянно посещали Н. П. Кондакова, вместе или порознь, вновь и вновь поучаясь, в беседах с Никодимом Павловичем. Никодим Павлович всегда охотно раскрывал сокровищницу своего ума, таланта и знания, увлекаясь сам работами и планами работ своими и своих учеников. Для этого ближайшего тесного кружка Никодим Павлович был средоточием духовной жизни, учителем, с которым можно было говорить обо всем, не боясь своего незнания; живую совестью, перед лицом которой нельзя было кривить душою.

После смерти Н. П. Кондакова участники всего кружка поняли, что они не могут так сразу разойтись и расстаться друг с другом в дальнейшей научной работе, ибо такой разброд их означал бы измену памяти Н. П. Кондакова, который объединил их в творческой научной деятельности. Участники кружка почувствовали свою нравственную ответственность перед памятью Н. П. Кондакова — не прекращать своего научного общения, а, наоборот, — усилить свои труды и обострить свои искания. Так возникло дружеско-научное объединение — «Семинарий имени Н. П. Кондакова» (*Seminarium Kondakovianum*). В состав этого семинария вошли след. лица (в алфавитном порядке): Андреева М. А., Беляев Н. М., Вернадский Г. В., Калитинский А. П., Кондарацкая Л. П., Лосский В. Н., Родзянко Т. Н., Рассовский Д. А., Толль Н. В., Толль Н. П., Яшвиль (княгиня Н. Г.). Руководителями занятий семинария являются проф. Г. В. Вернадский и А. П. Калитинский. Кроме перечисленных выше участников Семинария, на некоторых собраниях участвовали в качестве гостей С. К. Терещенко, проф. А. В. Флоровский, д-р Ф. Феттих (хранитель Будапештского Музея).

Собрания семинария начались в апреле 1925 г., прекращались в течение лета (июль— сентябрь 1925 г.) за разъездом большинства участников и возобновились вновь с 30 окт. 1925 г. На собраниях Семинария выслушивались и обсуждались доклады двух родов: 1. изложение вопросов, связанных с научной работой членов Семинария, 2. ознакомление членов Семинария с новостями научной литературы. Предметом работы Семинария являются главным образом археология (в широком смысле этого слова) и византиноведение. В течение отчетного года состоялось 15 заседаний Семинария (4 весной 1925 года и 11, начиная с конца октября 1925)»².

В цитированном отчете основная задача Семинария определяется как сохранение в условиях эмиграции лучших традиций русской исторической науки, а по возможности и их преумножение. Это проявлялось как в тематике избранных для изучения тем исследований, так и в применении определенных методов работы. Совершенно очевидно, что и по тематике работы, и в использовании методов обработки и разработки материала Семинарий следовал и развивал традиции своего духовного главы — академика Никодима Павловича Кондакова.

Авторы отчета о деятельности Семинария за первый год его существования определяют эти направления как изучение археологии в широком смысле этого слова и византиноведение. Но даже простое ознакомление с названиями работ как самого Никодима Павловича, так и сотрудников Семинария показывает, что под словом «археология» имеется в виду тот круг тем, который точнее было бы назвать христианскими древностями или же христианской культурой.

Точно так же и термин «византиноведение» имеет в устах сотрудников Семинария совершенно определенное звучание. Это преимущественно византийское церковное искусство — как изобразительное, так и архитектура, а также искусство сопредельных с Византией православных стран.

На первый взгляд может показаться необычным и несколько даже странным увлечение членов Семинария кочевнической тематикой. Но эта странность кажущаяся, стоит только вспомнить, какое значение в сложении византийского придворного церемониала и в выработке форм одежды византийского двора придавал Н. П. Кондаков кочевнической традиции. В таком контексте, с учетом роли кочевников в жизни Древней Руси, включение кочевнической тематики в план работы Семинария является осуществлением и воплощением заветов Н. П. Кондакова.

² Г. В. Вернадский, А. П. Калитинский. Отчет о работах Семинария имени Н. П. Кондакова в Праге за первый год его существования (по 17 февраля 1926 года) // Сборник статей, посвященный памяти академика Н. П. Кондакова. Прага, 1926. С. 297—298.

До сих пор речь шла только о тематике работ Семинария. Но есть и другая сторона, куда более существенная, которая определяла характер всех работ — и самого Н. П. Кондакова, и работы его учеников и сподвижников, работы всей его школы. Имеются в виду подходы к изучаемому материалу и методы его обработки.

Основой стал метод, который получил в науке название «иконографический метод Н. П. Кондакова». Основы его были заложены еще Ф. И. Буслаевым, но в своем законченном и совершенном виде он получил воплощение именно в трудах Никодима Павловича, а впоследствии в несколько измененном и углубленном виде в трудах его учеников. Суть этого метода можно сформулировать следующим образом: полная внутренняя связь созданного произведения с той средой, в которой оно возникло. Отсюда то большое внимание и самого Н. П. Кондакова к культуре того или иного периода в целом во всех формах ее проявления. Отсюда же и неприятие чисто формального сопоставления произведений, взятых изолированно от среды в широком смысле слова, в которой эти произведения были созданы.

Одним словом, Семинарий имени Н. П. Кондакова являл собою группу исследователей, очень сплоченную и объединенную совершенно ясными и твердыми исследовательскими принципами. Эти принципы были не только усвоены ими от своего учителя, но и приняты всем сердцем и уже на протяжении ряда лет воплощались ими в своих работах. Уже в 1926 году вышел первый том трудов Семинария: «Сборник статей, посвященный памяти Н. П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение» (Прага, 1926). И на титуле стоит название издательства — «Seminarium Kondakovianum». Примерно половина авторов сборника — участники Семинария, в основном, молодежь, вторая половина — крупнейшие ученые Западной Европы. Из ученых СССР — академик С. А. Жебелев.

Успех «Сборника статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова» и последующих томов «Семинариума Кондаковианум» показал, что применение этих принципов в научных разработках приносит свои плоды, что Семинарий благодаря их применению имеет свое лицо и получил признание в европейской науке.

Но дружная научная семья стала скоро распадаться, и это поставило Семинариум в очень трудное положение. Первым ее покинул Г. В. Вернадский. Он принял полученное через посредство М. И. Ростовцева предложение одного из американских университетов возглавить кафедру и в августе 1927 года уехал в США. В этом же году выехал в Германию для преподавания в университете Г. А. Острогорский. И с ним, и с Г. В. Вернадским, который до 1935 года продолжал оставаться председателем Семинария, сохранялись дружеские связи. Они, хотя и издаലെка, продолжали принимать участие в жизни Семинария и помогать ему.

23 декабря 1930 года в автомобильной катастрофе около Вацлавской площади в Праге погиб секретарь Семинария, пожалуй, наиболее активный и одаренный ученик Н. П. Кондакова, Н. М. Беляев. В том же 1930 году с тяжелым нервным расстройством и сердечным недугом слег в больницу в Париже А. П. Калитинский — один из двух директоров Семинария. Для Семинария наступили тяжелые времена. Внутренние потрясения совпали с внешними — примерно в это время прекратилась так называемая «русская акция» чехословацкого правительства, и Семинарий лишился даже тех скудных средств, которые он получал от правительства. Рассчитывать приходилось только на свои силы.

Тяжелее всего переживался всеми отъезд в Америку в августе 1927 года научного руководителя Семинария Георгия Владимировича Вернадского. Это был большой удар для Семинария, который расстроил многие научные планы. И хотя Г. В. Вернадский оставался научным руководителем вплоть до 1935 года и не только формально, о чем свидетельствует его обширная переписка с членами Семинария, но это было уже не то; некоторые члены Семинария восприняли отъезд Г. В. Вернадского в Америку как измену делу.

Следующим покинул Семинарий Г. А. Острогорский; он получил место в одном из университетов в Германии. Г. А. Острогорский не был ни членом-учредителем Семинария и не занимал в нем формально никаких крупных должностей, но он делал очень важную и необходимую работу, а именно, он помогал Семинарию зарабатывать деньги.

Дело в том, что одним из весьма существенных статей дохода Семинария была выручка от продажи репродукций икон, поздравительных открыток и другой художественной продукции, которую создавали княгиня Н. Г. Яшвиль и Т. Родзянко: обе были хорошими иконописцами и вообще художниками. А Г. А. Острогорский и до получения постоянного места в университете часто ездил читать или отдельные лекции, или циклы лекций в другие города и страны, и Семинарий нагружал его своей продук-

цией для продажи. Впоследствии к уже упомянутым предметам прибавились и издания Семинария. И хотя после окончательного отъезда из Праги Г. А. Острогорский продолжал сотрудничать с Семинарием и, в частности, продолжал распространять его издания и другую продукцию, но многое было утеряно с его уходом.

Невосполнимым ударом по Семинарию была трагическая кончина Николая Михайловича Беляева: 23 декабря 1930 года около Вацлавской площади он был сбит грузовым автомобилем. Н. М. Беляев с самого зарождения Семинария и до своей кончины был ученым секретарем Семинария. Чтобы понять его роль и значение на этом месте, нужно ознакомиться с перепиской Семинария за эти годы; большая часть ее велась Н. М. Беляевым. Судя по переписке, Николай Михайлович обладал живым и ярким умом и таким же характером. И именно благодаря этим его качествам Семинарий установил самые добрые и дружеские отношения со всеми исследователями и в Европе, и в Советском Союзе, а также со всеми значительными учреждениями и в СССР, и в Европе. А это, в свою очередь, обеспечивало поступление первоклассных статей для Семинариум Кондаковианум и репутацию Семинария.

Кроме того, Николай Михайлович был крупным специалистом в ряде областей, и к нему многие обращались за консультациями. А его многочисленные лекции по древнерусскому искусству, занятия сербскими и македонскими древностями поднимали престиж Семинария. Место ученого секретаря Семинария занял Димитрий Александрович Расовский, жизнь и деятельность Семинария продолжалась. Но все, что ушло вместе с Николаем Михайловичем: его огонек и творческая энергия — осталось невозполнимым.

Последний удар, нанесенный Семинарию, связан с именем Александра Петровича Калининского. А. П. Калитинский занимал в Семинарии особое место: наряду с Г. В. Вернадским он являлся директором Семинария, кроме того, на нем с самого возникновения Семинария лежала распорядительная власть. После отъезда Г. В. Вернадского в Америку ответственность, лежащая на А. П. Калитинском, возросла.

В отличие от всех остальных членов Семинария, А. П. Калитинский не жил постоянно в Праге. Дело в том, что он был женат на знаменитой актрисе Марии Николаевне Германовой, которая играла на сцене и жила в Париже, и Александр Петрович делил время между Парижем и Прагой. В 1930 году с А. П. Калитинским произошла какая-то история; сути ее не удалось выяснить ни по архивным документам, ни по рассказам уже немногих оставшихся в живых современников. Но результатом ее было то, что А. П. Калитинский на несколько месяцев слег во Франции с тяжелым нервным расстройством и с сердечным недугом и, таким образом, вынужденно был оторван от дел Семинария.

Таким образом, к 1931 году Семинариум Кондаковианум оказался совершенно обезглавленным; научный глава — в Северной Америке, распорядительный директор безнадежно болен и пребывает во Франции, наиболее талантливый ученик Н. П. Кондакова и к тому же уже получивший определенный опыт научно-административной работы Н. М. Беляев погиб. К тому же прекращается и «русская акция». Есть от чего прийти в уныние. Но и в этой ситуации оставшиеся члены Семинария предпринимают большие усилия, чтобы найти какой-то выход из создавшегося очень трудного, кризисного положения, когда действительно стоял вопрос, быть в дальнейшем Семинарию или не быть. В конце концов, выход был найден, и Семинарий еще многие годы продолжал радовать ученый мир своими изданиями: и ежегодниками, и двумя своими сериями — по древнерусскому искусству и по кочевникам. И особенно большую радость доставила всем «Русская икона» Н. П. Кондакова, выход в свет этой книги стал большим событием.

В этих условиях уже нельзя было существовать с таким неопределенным статусом, который был раньше. Так возник вопрос о присоединении Семинария к фонду Н. К. Рериха на правах ассоциированного члена с большой автономией. По этому поводу возникла обширная переписка, которая существует как в архиве Семинария (хранится в Институте истории искусств Академии Наук Чешской Республики в Праге), так и в архиве Рерихов в Индии.

В имеющихся в нашем распоряжении документах эти обсуждения и договоренности всегда выражаются только устами А. П. Калитинского, и нет ни одного свидетельства, которое бы вышло за подпись кого-либо из других членов Семинария.

Перед Семинарием и его участниками стояли две проблемы, которые нужно было решить в очень краткие сроки, если Семинарий хотел выжить и продолжать свою деятельность. Во-первых, необ-

ходимость легализовать себя, получить в рамках Чехословацкого государства какой-то юридический статус, юридическое лицо: до сих пор все держалось на личных контактах. В силу же отмеченных выше перемен, а также изменения политической обстановки в стране такое положение в дальнейшем было невозможно. Поиски решения шли по двум направлениям. Одно из них прорабатывал в Париже через Рерихов А. П. Калитинский, второе в Праге — все остальные члены Семинария. Другая проблема, которую предстояло решить, — это материальное положение Семинария. В случае положительного решения оформления Семинария как одного из подразделений Рерих-Музеум решение этого вопроса также казалось возможным. Финансовые вопросы как-то решались и при другом, пражском, варианте. Но эта попытка окончилась неудачей, и Семинарий Кондаковичанум вскоре был легализован в самой Чехословакии. Текущей деятельностью практически руководил Н. П. Толь, а душой Семинария, как и при его основании, продолжала оставаться княгиня Наталья Григорьевна Яшвиле.

Но пражский вариант, который, в конце концов, и был принят — это тема особой работы. А теперь посмотрим, как развивался путь переговоров с Рерихами.

Это очень сложная и запутанная история. Запутанная потому, что согласно тем документам, которые есть в распоряжении исследователей, переговоры шли в основном путем переписки, а если и лично, то они велись одним А. П. Калитинским, подчас без согласования с остальными членами Семинария. Это первое. И второе. Судя по сохранившимся письмам, участники переговоров все время что-то недоговаривали. Это отчетливо видно при сопоставлении того, как, в каком ракурсе некоторые вопросы обсуждаются между собой, в переписке между членами Семинария при выработке ими общей позиции по отношению к Рерихам, и как этот же вопрос подается и освещается в письме к Рерихам.

И все же за какой-то недосказанностью, за недомолвками и иносказаниями в письмах четко прослеживается самый кардинальный, самый важный вопрос, который обсуждался и который решался, который, по существу, для Семинария имени академика Н. П. Кондакова был вопросом жизни или смерти. Смерти духовной, ибо тот путь, которым предлагал идти Семинарию Рерих, означал отказ от научных принципов работы Семинария, отказ от тех методов и подходов к проблемам, которые завещал своим ученикам академик Н. П. Кондаков. Отказ от этих принципов был бы и отказом от своего учителя, предательством его, отказом от национальной русской культуры. Напомню, что выбор этот участники Семинария должны были сделать в условиях, когда Семинарий и в организационном, и в финансовом отношении находился на грани полного краха. И к чести всех участников Семинария нужно сказать, что все без исключения выдержали это испытание, не поступились совестью, не отказались от духовных заветов Н. П. Кондакова. И время показало, что поступив по совести, они пошли по правильному пути, ибо, в конце концов, все как-то устроилось.

Вся эта драма, как уже говорилось, нашла отражение в переписке. Переписка эта весьма любопытная и позволяет проследить ход развития событий на протяжении некоторого времени. Остановимся на некоторых сторонах этой истории.

В архиве Семинариум Кондаковичанум пока не удалось найти документов, относящихся к самым первым контактам между Институтом Кондакова и Институтом Рериха. Их отсутствие не позволяет документально установить ни времени возникновения этих контактов, ни имен тех людей, кто эти контакты установил. Но, надеюсь, не допущу большой ошибки, предположив, что контакты между институтом Кондакова и Институтом Рериха возникли в 1929 году и что со стороны Института Кондакова инициатором их был А. П. Калитинский.

Письма, которые сохранились и которые связаны с «рерихиадой», можно разделить на две группы. Одна — это переписка между А. П. Калитинским и Рерихами, Вторая — письма между А. П. Калитинским и членами Семинария. Письма обеих групп различаются и по тональности, и по степени откровенности, и по подходу. В письмах к Рерихам акценты сознательно смещены, и, следовательно, истинное отношение к той или другой проблеме несколько притушевывается. Переписка же между А. П. Калитинским и членами Семинария передает ситуацию правдиво. В этих письмах все вещи называются своими именами. Без этих писем нельзя подчас понять иносказания в переписке между А. П. Калитинским и Рерихами.

Весьма любопытно, в частности, в этом отношении письмо Н. К. Рериха М. Н. Германовой и А. П. Калитинскому от 9 января 1931 года. «Что касается до Пражского Института, — пи-

шет Н. К. Рерих, — то я еще в Париже говорил Марии Николаевне и писал ей в Прагу, что для меня этот Институт существует лишь под непосредственным руководством Александра Петровича. Но тогда же пришло письмо от княгини Яшвилль о приглашении профессора Вернадского. Теперь же я получил от него самого письмо, копию которого вам переслал. Должен сказать, что это письмо произвело на меня довольно смутное впечатление, тем более, что до его отъезда из Парижа нам не удалось договориться ни о конституции, ни о программе Института».

Это письмо очень важно в нескольких планах. Во-первых, оно свидетельствует, что с этого времени единоличным руководителем Семинария становится Г. В. Вернадский и что А. П. Калитинский фактически отстраняется от всякого руководства. И хотя формально (утверждение на собрании членов-учредителей) это было оформлено несколько позже, фактически вопрос был решен уже в начале января. Во-вторых, все это было сделано членами Семинария, остающимися в Праге (А. П. Калитинский вел переговоры с Рерихами), и, возможно, за его спиной: никаких документов о согласовании приглашения Г. В. Вернадского на пост директора Семинария с А. П. Калитинским найти не удалось. И, наконец, в-третьих, совсем иное звучание после решения о привлечении Г. В. Вернадского к руководству Семинария приобрели переговоры А. П. Калитинского с Рерихами. Изменение ситуации проявилось и в тональности писем А. П. Калитинского в Прагу участникам Семинария.

Для прояснения ситуации очень важно письмо А. П. Калитинского Н. П. Толлю — фактическому руководителю Семинария в Праге — от 26 июня 1931 года. «Дорогой Николай Петрович, наше общение с Н. К. Рерихом, — пишет в нем Александр Петрович, — оказалось неудачным во всех отношениях. По-видимому, правы все те, кто характеризует его как человека, на которого нельзя положиться. Так как Вам приходится теперь вести переписку с его представителем здесь Г. Г. Шклявером, мне хочется Вам напомнить, о чем я уговаривался с самим Рерихом и в чем, грубо выражаясь, обошел меня и за что приходится отдуваться Семинарию. Первое — это вопрос о превращении Семинария в Институт. Как Вы знаете, несмотря на письменное обещание, он теперь отказывается от обещанной помощи. Копию его отказа я тогда же послал княгине Н. Г. Второе, о чем мы уговаривались, — это покупка «Скифики» (со статьей Ю. Н.) Р.-М. в Нью-Йорке. Третье — покупка изданий Семинария на сумму в 500 долларов. Эту сумму я получил на руки чеком, который мы и реализовали в Праге. При переговорах имелось в виду, что покупка Скифики будет произведена отдельно, то есть не входит в полученную нами сумму 500 долларов. Все наши переговоры происходили, согласно желанию Николая Константиновича, только в присутствии Марии Николаевны и Юрия Николаевича. При этом Н. К. особенно просил не посвящать в них Г. Г. Шклявера. Теперь же происходит следующее. Вчера по телефону со мной говорил Шклявер и прочел мне как Ваши к нему, так и Ю. Н. Письма. В последнем сказано, что за Семинарием числится долг, так как нами выслано книг менее чем на 500 долларов, и этот остаток предлагается покрыть соответствующим количеством «Скифик». Итак, мы, вернее я, попали впросак. Шклявер очень формален; о наших переговорах по поводу помощи «институту» он ничего не знает, также и об условиях покупки изданий, а о долге он, конечно, знает и имеет на этот счет распоряжения. Писать что-либо Рериху по этому поводу совершенно бесполезно».

Накануне написания только что процитированного письма Ю. Н. Рерих пишет 25 июня 1931 года А. П. Калитинскому из Нагара. «Лишенные основных сведений о Семинарии, его уставе, бюджете, личном составе, организации аффиляции и детальных планов научных работ, нам пришлось, естественно, отложить дело до более благоприятного часа. Все эти вопросы требуют деятельного обсуждения Советом Музея, а также теми лицами, которые поддерживают научную деятельность Музея. ...Члены Совета Музея справедливо указали на необходимость точно выяснить этот вопрос о методах. В нашей десятилетней работе в связи со многими научными учреждениями Америки, Европы и Индии этот вопрос не возникал, и потому до продолжения обсуждения планов аффиляции нам необходимо знать и Вашу точку зрения».

Вполне естественно, что Ю. Н. Рерих не знал содержания еще не написанного письма А. П. Калитинского Н. П. Толлю, так же как он не знал и того, что их, Рерихов, финансовые «шахер-махеры» по отношению к Семинарию произвели очень неприятное впечатление на его членов и что вопрос уже давно перенесен в другую плоскость.

И вот на этом фоне появляется письмо А. П. Калитинского Ю. Н. Рериху. Письмо замечательное, прежде всего, потому, что, как уже отмечалось, оно содержит и историю Семинария и его credo.

Следует отметить, что хотя под письмом стоит только подпись А. П. Калитинского, но автор, прежде чем отправить его адресату, посылал письмо в Прагу для согласования со всеми членами Семинария. К сожалению, замечания членов Семинария к письму А. П. Калитинского пока обнаружить не удалось.

В письме есть новые элементы, касающиеся развития «рерихиады». Так, наряду с «аффилиацией», которая, судя по контексту, отходит уже на второй план, как плата за финансовую помощь проходит получение Н. К. Рерихом звания «Протектора» Семинария, а под Ю. Н. Рериха предполагается создать восточное отделение Семинария. И дальше события развивались уже по этому новому направлению, «аффилиция» вскоре совсем сошла со страниц переписки. Из писем явствует, что дело о соединении институтов шло туго и, в конце концов, рассыпалось. Как развивались события дальше по этим вопросам, видно из следующих документов. Вот что ответил Ю. Н. Рерих на письмо А. П. Калитинского: «Мы вполне признаем, что каждая научная область, даже такие близкие области, как историко-археологические исследования, выработали свои особые методы исследования и интерпретации источников. Основным положением всех учреждений, находящихся под руководством Николая Константиновича, является полная автономность, а также сохранение тех культурных задач, которым служит каждое данное учреждение. Объединительным звеном между ними является имя Николая Константиновича, а также основное положение культурного строительства, которое является как бы уставом всех учреждений. Каждое учреждение, сохраняя свою административно-хозяйственную автономность, участвует в общей жизни учреждений имени Николая Константиновича, сотрудничая с различными отделениями Музея. Годовые отчеты, а также совместная выработка планов на будущее создают ту солидарность целей и действий, которая совершенно необходима во всякой совместной работе, тем более в работе учреждений, работающих на четырех континентах» (от 18 октября 1931 года, Наггар).

Из письма А. П. Калитинского Н. П. Толлю от 9 ноября 1931 года: «Рерихиада продолжается — получил письмо от Ю. Н. ...Лишь первые фразы как будто дают ответ на мое письмо. Понимая это так, я и решил зафиксировать наше единогласие в вопросах о «методах» и «автономии» (вот уж не ожидал, что придется когда-нибудь доказывать, что белое — это белое), чтоб хоть немного отлить водички из той чаши, где мы усердно и долго ее толчем. Ну, а что значат дальнейшие реляции первого абзаца, не могу взять в толк. Не то это характеристика взаимоотношений ихних учреждений, не то это туманное изречение некоей мистической тайны, рекомендуемой нашему руководству. Очень похоже на то, что Вы называете чревоуещанием. Все это я вынужден оставить без ответа, хотя дальше и воспользовался этим местом письма для ссылки.

Второй абзац письма содержит предложение помощи нам. ...Есть у меня (конечно, это очень субъективно) какое-то недоверие к мотивам, побудившим сделать это предложение. Кроме того, есть в нем много фанфаронства и самомнения; не сумели получить даже английской визы без помощи бедной русской актрисы, а хотят воздействовать на политику целого государства. Европейский же их центр — все тот же Шклявер. Нескромности так же много в предложении сообщить им имя того лица, с которым я говорил. Вот я и думаю, что лучше всего отклонить предложенную помощь, рискуя даже вызвать обиду и перерыв в переговорах».

Из письма А. П. Калитинского Ю. Н. Рериху от начала 1932 года (ответ на письмо Ю. Н. Рериха от 31 декабря 1931 года): «Вы, конечно, совершенно правы в том, что оформление вопроса о восточном отделении может быть сделано лишь по выяснении основной проблемы аффилиции. Совершенно ясно, что все затронутые в наших переговорах вопросы, все, о чем мы сейчас договариваемся, на чем сходимся, — все это остается, пока что, проектом: будь то вопрос Протектората, восточного отделения или чего-либо другого, менее важного. До получения положительного ответа от Совета Вашего Музея о том, что он берет на себя материальную поддержку Института, все находится в стадии предварительных переговоров, и все надуманные нами отделения, должности и звания остаются предположительными. И с формальной точки зрения, и по существу дела это бесспорно, ибо сначала нужно заложить фундамент, а потом уже строить здание, о стиле которого, однако, следует заранее договориться».

Из письма А. П. Калитинского княгине Н. Г. Яшвиль от 21 января 1932 года: «...А сейчас звонил ко мне Шклявер и вот что рассказал. Получил он письмо от старого Рериха, который де обеспокоен происшедшей неловкостью, допущенной в Нью-Йорке с опубликованием титула Протектора прежде времени. По этому поводу Шклявер принес свои извинения. Думаю, этого достаточно, и инцидент можно считать исчерпанным. Говорил он далее, что получил копию того письма Юрия Николаевича ко

мне, что я Вам послал сегодня утром. Из длинного разговора я понял, что их интересует, была бы для нас достаточна ежегодная субсидия в 2000 долларов. Я дал понять, что да. Очень точно мы сговорились, что и протекторат, и восточное отделение будут приняты, утверждены и опубликованы Правлением только после того, когда окончательно и точно будет решен вопрос субсидии».

Из письма княгини Н. Г. Яшвилъ А. П. Калитинскому от 10 февраля 1932 года: «Сегодня мы четвером собрались для обсуждения проекта вашего ответа Ю. Н. Рериху, и вот к каким мы пришли заключениям: ...для дальнейших ваших переговоров с Рерихами хотим обратить Ваше внимание на такую возможность: может статься, что Рерих-Музеум действительно даст нам обещанную сумму в 2000 долларов, но одновременно, а затем сможет и перестать давать, звание же протектора за Рерихом утвердится навсегда. Поэтому мы решили, что если в сопроводительной к деньгам бумаге от Рерих-Музея не будет прописано, что деньги будут систематически высылаться и впредь, ежегодно, то и нам, в таком случае, осторожнее будет выбрать Рериха Протектором на один год, чтобы в неблагоприятном случае расстаться с ним безболезненно, а не скандально.

Подымаем этот вопрос потому, что надо помнить «шахер-махеры» Рериха с теми 500 долларами, которые были Вами получены в сентябре 1930 года, а также вторичный подобный же случай с покупкой «Скифики» 111, когда Ю. Рерих имел в виду новую покупку, а затем через Шклавера потребовал включить сумму от продажи за эти 100 экз. Скифики все в счет того же якобы нашего долга Рерих-Музею за закупленные на 500 долларов книги, когда первоначально эти деньги предназначались на личный состав.

По поводу избрания в члены Института Президента Масарика и министра Бенеша должны Вам сообщить, что я спрашивала у канцлера Шамала об этой возможности и получила ответ, что Президент для принятия какого-либо членства или протектората должен получить разрешение Парламента. Ввиду громоздкости дела мы решили оставить этот вопрос. Что же касается Бенеша, то, ввиду уж очень резкого расхождения его политики с настроениями русских в Чехии, избрание его теперь было бы несвоевременным: да и проблематично и польза от этого - ведь он ни разу ничем не помог Институту».

Из переписки конца 1931 - начала 1932 годов видно, что с точки зрения членов Семинария имени Н. П. Кондакова финансовая нечистоплотность Рерихов, проявившаяся в ряде случаев нарушения ими своих обещаний, породила недоверие и к другим их обещаниям и, в конце концов, расстроила все переговоры о соединении Института Кондакова и Института Рериха. Не менее важным, на наш взгляд, является и различие в отношении к культурному наследию, в частности, к православной культуре Византии и России. Судя по контексту писем, у членов Семинария существовали опасения, что соединение с Рерихами может привести к утрате Семинарием своих научных принципов и подходов к проблемам и изучаемому материалу, к отказу от заветов своего учителя — академика Н. П. Кондакова, что все это своеобразие может раствориться в общекультурном подходе Н. К. Рериха. В переписке эти опасения нашли выражение в рассуждениях о подходах и методах. Опасения эти перевесили, в конце концов, весьма сомнительные материальные выгоды, и дело о соединении расстроилось.

* * *

Письмо Александра Петровича Калитинского, директора Семинария имени Никодима Павловича Кондакова Юрию Николаевичу Рериху относится, пожалуй, к одному из самых трудных периодов из жизни Кондаковского Семинария. 1930—1931 годы были переломными годами в жизни Семинария, когда действительно стоял вопрос, будет ли он дальше существовать как самостоятельное учреждение или же навсегда отойдет в историческое небытие, как уже это случилось со многими русскими эмигрантскими организациями.

В начале 1931 года директором был избран Г. В. Вернадский, более близкий Семинарию по духу, к тому же один из его основателей, а в феврале 1931 года Семинарий был легализован чешскими властями и стал самостоятельным Институтом в составе Славянского института при Министерстве иностранных дел Чехословацкой Республики. А деньги для своей работы участники семинария научились впоследствии добывать сами.

В 1936 году крупный русский византист профессор Мэдисонского университета А. А. Васильев сменил Г. В. Вернадского на посту председателя Семинария.

Как это ни странно, но Семинарий очень активно работал и в годы Второй мировой войны во время оккупации немцами Праги. Только совершенно сознательно были прекращены все публикации, чтобы не создалось впечатления, что русские люди сотрудничали с немцами.

Семинарий Кондаковианум продолжал существовать формально до 1953 года, когда он организационно со всей своей богатейшей библиотекой, очень хорошей коллекцией русских икон, замечательной коллекцией коптских тканей и другими богатствами, в частности богатейшим архивом, был передан с согласия советской стороны Институту истории искусств Академии Наук Чехословацкой Республики.

В своем письме Ю. Н. Рериху, которое уже цитировалось, А. П. Калитинский характеризует вклад каждого из шести основателей Семинария в его становление и последующую деятельность. Лишь одно имя осталось в письме А. П. Калитинского практически без комментариев. Это имя княгини Н. Г. Яшвилъ. Это странно, ибо именно княгиня была столпом Семинария, его душой и сердцем, ибо именно она в значительной мере обеспечивала почти все стороны жизни и деятельности Семинария.

Обладая завязанными еще во время жизни в России значительными связями, княгиня обивала пороги высших чиновников и именитых богатых людей или писала им многочисленные письма, чтобы легализовать деятельность Семинария, добиться той или иной льготы или получить материальную поддержку. Будучи талантливой художницей и иконописцем, княгиня использовала эти свои дарования для материальной поддержки начинаний Семинария. Причем сама она жила очень скромно. И, наконец, самое главное. Пожалуй, из всех членов Семинария на ее долю выпало больше всех испытаний и невзгод. Глубоко верующий человек, она не только сама никогда не теряла той глубокой согревающей веры, которая дает силы переносить все жизненные испытания легко, но и согревала и поддерживала великое множество других людей и прежде всего участников Семинария, не давая никому впасть в уныние и потерять себя в жизни. Скольких людей она спасла, скольких обогрела и скольким помогла устоять в жизни! Обо всем этом свидетельствуют многочисленные письма, хранящиеся в архиве Семинария имени Н. П. Кондакова.

* * *

Два магистральных направления было в жизни Семинария Кондаковианума. Одно из них — это работа членов Семинария, развивающих методологию его основателя. Второе — это издательская деятельность. Результаты большого и напряженного труда по обоим названным направлениям составили славу Семинария Кондаковианума в научном и культурном мире Европы и Америки и определили то глубокое уважение, которым повсюду пользовался и сам Семинарий и все его члены.

Три существенные особенности характерны для изданий Семинариума Кондаковианум. Это свое научное лицо, свой метод и свой подход к проблемам, проистекающий из развития заветов Н. П. Кондакова: высочайший научный уровень и первоклассное полиграфическое оформление изданий. Эти качества обеспечили изданиям Семинария весьма достойное место в научной жизни. Следует особо отметить, что все это делала очень небольшая группа людей, изгнанная из своей родной страны и лишенная всего того, что дает родная среда — и в нравственном и в материальном отношении.

Основным изданием Семинария был ежегодник, выходящий под таким же названием «Семинариум Кондаковианум», с 1938 года — «Анналы Института имени академика Н. П. Кондакова». Всего вышло 12 томов: 11 со сплошной нумерацией и один, первый: «Сборник статей памяти Н. П. Кондакова», о котором уже была речь выше. В архиве Семинария хранится материал еще на 2 — 3 номера, собранный в годы войны, но так и не опубликованный.

У этих томов было два приложения, две серии монографий — «Зоографика» по церковной живописи и «Скифика» по кочевническим древностям. В первой серии впервые была опубликована замечательная работа А. И. Анисимова о Владимирской иконе Божией Матери.

Кроме этих периодических и серийных изданий, Семинарий издавал еще отдельные монографии. Самым монументальным изданием такого рода, потребовавшего от всех участников очень большого напряжения всех сил и много, много денег, было посмертное издание основной работы Н. П. Кондакова, работы над которой он трудился всю свою жизнь, — его «Русской иконы». «Русская икона» была издана в четырех томах: два тома текста и два тома иллюстраций, из них один — цветной. Изданием «Русской иконы» Н. П. Кондакова Семинарий завоевал мировое признание. Как и все другие издания Семинария, «Русская икона», помимо всего прочего, и шедевр полиграфического искусства.

Было издано еще несколько книг, в частности работа К. И. Тенишевой «Инкрустации и эмаль» (Прага 1930).

Издания Семинария выходили очень маленьким тиражом. Ежегодники — тиражом 450 экземпляров, приложения к ним — тиражом 300 экземпляров, другие книги — также тиражом максимум 300 экземпляров. В СССР попадали считанные экземпляры, в основном через тех лиц, которые сотрудничали с Семинарием. И сегодня издания Семинариум Кондаковианум недоступны более или менее широкому кругу научной общественности, а молодежь о них просто подчас не знает.

У Семинария имени Н. П. Кондакова удивительная судьба. Люди, его создавшие, и выпущенные ими книги являются гордостью и славой русской науки и культуры. Издания Семинария имени Н. П. Кондакова — это вечный памятник им. Но как все эти книги создавались, ценой каких усилий появлялись на свет Божий великолепные издания, иными словами, жизнь Семинария, подвиг его участников остается в тени.

К сожалению, мы, их соотечественники, были все это время лишены возможности пользоваться их трудами.

* * *

В 1996 году Российский гуманитарный научный фонд поддержал проект по изданию в России части наследия Семинариум Кондаковианум (проект № 96-01-00532). По проекту предполагалось отобрать наиболее интересные работы из Семинариум Кондаковианум и прокомментировать их. При отборе работ для комментирования исходили из того, что, в первую очередь, заслуживают работы русских ученых-эмигрантов и работы иностранных ученых на тему русской истории и истории русского искусства. Подготовка к изданию их трудов и последующая публикация станет данью уважения к их подвигу.

Снабженные комментариями лучших специалистов нашего времени, труды русских ученых-эмигрантов займут подобающее им место в русской науке.

